

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- А. С. БОЛЬШАКОВ** — заместитель декана экономического факультета СПбГУП, доктор экономических наук, профессор
- Ю. В. ЗОБНИН** — заведующий кафедрой литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук, профессор
- А. Ф. ИЗМАЙЛОВ** — главный редактор журнала «Балтийский диалог» (Санкт-Петербург), кандидат исторических наук
- С. Н. ИКОННИКОВА** — заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, профессор СПбГУП, доктор философских наук
- А. В. ИЛЬЧИЧЕВ** — профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук
- В. В. КРАЕВСКИЙ** — академик РАО, главный научный сотрудник Института управления образованием РАО (Москва), доктор педагогических наук, профессор
- С. М. ЛАРЬКОВ** — председатель городской секции библиофилов Санкт-Петербурга
- И. Л. ЛЕБЕДИНСКИЙ** — профессор Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения, доктор экономических наук
- М. А. МАНУИЛЬСКИЙ** — заместитель главного редактора журнала «Человек», старший научный сотрудник Института социологии РАН (Москва), кандидат философских наук
- А. А. МЕЛЬНИКОВА** — доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат философских наук
- А. Н. МОСЕЙКО** — ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН (Москва), кандидат философских наук
- М. С. МОТЫШИНА** — декан экономического факультета СПбГУП, доктор экономических наук, профессор
- Н. Л. РУМЯНЦЕВА** — доцент Российского государственного института интеллектуальной собственности (Москва), кандидат технических наук
- А. В. СМИРНОВ** — член-корреспондент РАН, заместитель директора Института философии РАН (Москва), заместитель главного редактора «Философского журнала», доктор философских наук, профессор
- Ж. Т. ТОЩЕНКО** — член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования», декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (Москва), заведующий кафедрой теории и истории социологии, доктор философских наук, профессор
- Г. Ф. ФЕЙГИН** — доцент кафедры управления СПбГУП, кандидат экономических наук
- И. О. ФОНЯКОВ** — поэт

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Мы предлагаем для обсуждения следующие проблемы. Первая. Каковы критерии определения понятия «цивилизация»? Существует термин «мировая цивилизация», предполагающий единственное число. Наша же конференция рассматривает разные цивилизации: латиноамериканскую, европейскую, китайскую, индийскую и др. Я встречал мнения, что есть даже чувашская цивилизация. Поэтому предлагаю определить пределы употребления данного понятия и то, как оно соотносится с термином «культура».

Вторая проблема — что такое «глобализация»? Данное понятие в настоящее время все больше подвергается критике. Когда мы говорим о диалоге культур и цивилизаций, то, как правило, сосредоточиваем внимание на общих чертах, на поиске объединяющих характеристик. А может, не стоит искать общие черты разных цивилизаций, а, наоборот, надо ставить вопрос о необходимости понять их разнообразие, уникальность, специфику и соответственно на основе понимания и признания автономности и важности каждой цивилизации и культу-

ры строить подход к ним? Тем более что под «общим» часто понимают вестернизацию, европеизацию или даже американизацию. В нашем журнале «Социологические исследования» была опубликована статья профессора Н. Е. Покровского на эту тему: «Глобализация или американизация: ценностные структуры популярной культуры в России конца XX века».

Третья проблема: а что, собственно, мешает диалогу цивилизаций и культур? Здесь часто оказывают влияние религиозные и этнические противоречия, связанные с устоявшимися представлениями о Юге и Севере, Западе и Востоке. Именно такие стереотипы и мешают диалогу.

Мы сможем обмениваться мнениями, дискутировать друг с другом и, таким образом, уточнить свои позиции и характеристики обсуждаемых понятий и явлений.

Разумеется, обсуждаемые проблемы можно дополнить, расширить, предложить новые вопросы.

— Мне хотелось бы поставить вопрос о том, что такое диалог. Ни на Пленарном заседании, ни в тезисах докладов

участников конференции я не нашла данного определения. Мы ставим общие вопросы о цивилизации, толерантности и диалоге культур, но не уточняем, что такое диалог. *(вопрос из зала)*

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Коллеги, мы сформулировали основные проблемы для обсуждения, но это не значит, что мы на этом и остановимся. Разумеется, вы можете предложить любой вопрос, входящий в контекст обусловленной проблематики.

А. В. СМИРНОВ: — Известно, что существует несколько сотен определений культуры и цивилизации и соответственно столько же пониманий их соотношения. Поэтому не стоит даже пытаться их классифицировать; я просто предложу свою версию. Для меня более важным, операциональным является понятие культуры, которую я понимаю как способ смыслополагания. Как говорил известный профессор Преображенский, «разруха — в головах». Но и культура — тоже у нас в головах. Конечно, я не отрицаю правомерности и плодотворности подхода к культуре как к сумме продуктов — материальных или духовных, уже объективированных. Но все-таки, прежде чем эта сумма продуктов возникнет, должен быть найден механизм их производства. Механизм производства и есть то, что я называю культурой.

Второй основополагающий тезис — что такое культура. Понятно, что слово «культура» сегодня употребляется в самых разных смыслах, применительно едва ли не ко всему — есть культура общения, культура чаепития, культура речи и т. д. Культурой можно назвать все что угодно. И в этом смысле можно говорить о разных культурах, дробить понятие культуры сколько угодно мелко.

Известно, что Петербург является особой культурой — это мы уже усвоили. Наверное, у нас будет культура Москвы. В конце концов, каждая деревня может быть особой культурой, почему бы и нет. Любой дом является культурой, любая семья. А в семье каждый ребенок представляет особую культуру. Как мы знаем, если у нас двое детей, то они разные, у каждого своя культура. Где же границы размывания этого понятия? Ведь если мы понимаем культуру как способ смыслополагания, то тем самым устанавливаем определенные границы.

С моей точки зрения, необходимо разделять два принципиально разных модуса различия культур. Культуры могут различаться содержательно. В том случае, если мы понимаем культуру как механизм функционирования нашего сознания, содержательное различие культур означает несходство в наполнении. Это один тип различия, который встречается наиболее часто. Есть и другой — когда мы говорим не о содержании, а об архитектонике сознания. Это гораздо более глубокий тип различия, причем принципиально иной, нежели по содержательному признаку, и он встречается гораздо реже. Если мы указываем последний тип, то можем значительно ограничить сферу нашей дискуссии о различии культур и вместе с тем обрести определенную почву.

Что я имею в виду под различной архитектоникой сознания? Если опустить всю аргументацию, которую можно разворачивать в течение многих часов, и перейти сразу к выводам, то можно сказать следующее. Есть по меньшей мере два принципиально разных способа смотреть на мир и две принципиально различные архитектоники сознания, которые демонстрируют нам западная и арабская культуры. Первую из них я назову вещественной, а вторую процессуальной. Если говорить попросту, не углубляясь, то западное сознание пришло с греческой культурой, греки научили нас видеть мир как совокупность вещей, а арабское сознание, от языковых особенностей до теоретических построений, — это способ видеть мир как совокупность процессов. Это принципиально разные видения, которые не просто различны, — они не сводимы, не редуцируемы друг к другу. Вы не можете возвести одну архитектонику, преобразовав отдельные элементы другой. Вам придется все разрушить и выстроить заново. Это означает, что культур, которые различаются архитектоникой сознания, больше чем две. Но я буду говорить о двух. Если мы имеем дело с такого рода различиями, то не можем употреблять уже ставшие привычными слова «культурная специфика» и т. п. Такие культуры не специфичны относительно друг друга, потому что у них нет того общего, по отношению к чему они могли бы считаться специфичными. Повторяю, они не редуцируемы, не сводимы одна к другой путем перестройки.

Для того чтобы обозначить такой тип различия, я употребляю термин «одинаковость» — они одинаковы по отношению друг к другу, поскольку такая одинаковость целостна. Я не буду развивать эту тему, хотя она очень интересна, и не буду показывать, в чем именно состоит данная архитектоника, поскольку это требует отдельного обсуждения. Перейду к самым очевидным возражениям, которые всегда делаются в таких случаях. Обычно говорят, что такие культуры абсолютно закрыты друг для друга (вспомним, как об этом пишет Штемблер и др.). Но так ли это? Думаю, дело обстоит не столь просто. Конечно, уровень общечеловеческого имеется, как ни парадоксально это выглядит в свете того, к чему привыкло наше мышление, воспитанное на греческой философии. Сфера универсального лежит не в области мышления, теоретической рефлексии или логики. Наоборот, логика как раз специфична, поскольку привязана к определенной архитектонике сознания. Именно логика доводит эту архитектонику до отточенных форм и «вытаскивает» на свет. И потому логики разных архитектур сознания будут одинаковы, а язык, который мы привыкли считать как раз специфичным и привязанным к определенной нации, напротив, будет различным. Разные языки дают нам возможность почувствовать, как могут быть выстроены различные архитектуры сознания.

Но если это закрытые культурно-исторические типы, цивилизации или культуры, то как же они могут коммуницировать? Условием диалога вовсе не является понимание, как часто считают. Мы все коммуницируем, но означает ли это, что мы понимаем друг друга? Далеко не всегда. Разве в семье, где происходит ежедневная, ежесекундная коммуникация между мужем и женой, они сразу понимают друг друга? Конечно, нет. Поэтому выдвигать такой довод в качестве главного аргумента, с моей точки зрения, некорректно. Можно коммуницировать, строить образ другого, совершенно не понимая этого другого. Можно выстраивать образ чужого сознания по закону своей архитектоники и отражать его в своем сознании совершенно неадекватно. Можно приводить бесконечные примеры.

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ: — Вы очертили общее понятие культуры, но мне кажется, в этой схеме важны детали. На мой взгляд, культура — это прежде всего система идентичности. Как, по Вашему мнению, соотносятся культура и идентичность?

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ: — Вы очертили общее понятие культуры, но мне кажется, в этой схеме важны детали. На мой взгляд, культура — это прежде всего система идентичности. Как, по Вашему мнению, соотносятся культура и идентичность?

А. В. СМИРНОВ: — Человек выстраивает свою идентичность на перекрестке разных культурных влияний. В этом смысле идентичность можно противопоставить понятию культуры. Но есть иной подход, при котором считается, что идентичность человеку задана культурой, что человек, так сказать, находится «в силках» культуры. Наверное, эта позиция близка Вам. Мне же ни та,

не другая позиция не близки, потому что мое определение культуры не является ни социалистским, ни антисоциалистским и я не указываю на ее сущность. Для меня культура — это механизм, который производит нечто, но механизм не является сущностью. В этом смысле можно говорить о западной культуре, начиная с греков и заканчивая сегодняшним днем. Это, кстати говоря, чувствуется всеми. Вряд ли кто-то скажет, что неправильным или некомфортным является употребление словосочетаний вроде «западная философия». Это нормально для нас, хотя есть античность, Средневековье, Ренессанс и так далее — разные этапы истории. Казалось бы, все это разные культуры, которые не сводимы одна к другой, тем не менее все они являются одной традицией. Если же мы присоединим к ним исламскую культуру, получится «дракон», у которого тело от одной традиции, а хвост — от другой. Это будут две разные архитектурники.

— Основная мысль Вашего доклада заключается в том, что в культуре доминирует различие. То есть подтверждается известный тезис о том, что Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись... По сути дела, Вы разделяете именно эту позицию. Но, может быть, с течением временем эти культуры все же сходятся? (*вопрос из зала*)

А. В. СМОРНОВ: — У Киплинга немного иначе: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут, / Пока не предстанут земля и небо на страшный Господен суд». А дальше, как Вы помните, сходятся два человека, с Запада и с Востока, и прекрасно понимают друг друга.

Можно, конечно, нарисовать «розовую» картину мира, где все мы люди, все одинаковы и можем друг друга понимать, потому что все мы утром завтракаем, а вечером ужинаем. В конце концов у нас одна и та же физиология. Все мы спим, видим солнце, ходим вверх головой, а не наоборот. Поэтому нам очень легко коммуницировать. Можно на этом уровне строить диалог культур? Что из этого получается, я думаю, мы все видим. Если же подходить к проблеме серьезно, то надо заняться рефлексией, осознать, как вы понимаете собеседника, что слышите в его словах и почему его реакция на ваши именно такая, какая есть...

— Вы противопоставили западную и арабскую культуры. К чему же Вы относите российскую цивилизацию и культуру? (*вопрос из зала*)

А. В. СМОРНОВ: — Российская не относится ни к той, ни к другой.

В. В. КРАЕВСКИЙ: — Что меня побудило участвовать в разговоре о диалоге культур и партнерстве цивилизаций? То, что эти, казалось бы, абстрактные вопросы вторгаются в нашу жизнь. Достаточно выйти на улицу — и вы увидите этнический диалог культур, чаще всего с использованием ненормативной лексики. Ксенофобия, толерантность — все это вы видите ежедневно. Чтобы правильно относиться к подобным явлениям, культура должна соответствующим образом формировать сознание каждого нового поколения. В конце концов, есть самое простое определение культуры — это способ устройства нашей жизни таким образом, чтобы всем было хорошо. Это, конечно, шутка, но, как известно, в каждой шутке...

Ответ на поставленный сегодня вопрос предполагает субъективность, но я хотел бы напомнить, что известными учеными уже были даны определения понятий «культура» и «цивилизация», которые я со спокойной совестью

воспринимаю. Например, Л. Морган и Ф. Энгельс определяют цивилизацию как ступень общественного развития, следующую за варварством, то есть как исторически определенный уровень развития общества и человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях. Этому противостоит другое, локальное значение понятия «цивилизация», суть которого фактически сводится к отдельным рационализирующим культурам — европейской, египетской и т. д.

Я придерживаюсь позиции, что диалог культур — это действие, которое в конечном счете выливается в цивилизационный процесс, и все страны — национальные участники этого диалога. Диалог культур ведет к новому уровню человечества. Культура может быть исламской, европейской, российской или иной, но в конечном счете в построении диалога культур рождается движение цивилизаций к объединению, и этот процесс неодолим. Можно назвать его и глобализацией.

Это, конечно, схематичная модель, которая соответствует действительности и представляет собой средства ее познания. Сегодня объективно идут противоречивые процессы, и одна из главных проблем заключается в размытости понятия толерантности при нарастании ксенофобии.

Существуют ли границы понятия толерантности? Возможна ли, например, терпимость к нетерпимости? Урок холокоста мы уже проходили. Терпимы ли мы к холокосту, к тому, что происходило в Германии в середине XX века и что в итоге нашло отражение в Нюрнбергском процессе? Как тут быть с толерантностью? Должны ли мы останавливать подобное? Несомненно. Человечество в своем цивилизационном процессе терпимо лишь до определенной границы.

История не учит, но наказывает за незнание своих уроков. Если мы у нее не учимся, то проигрываем. История, согласно известному высказыванию, не терпит сослагательного наклонения. Но так ли это справедливо? Почему бы нам не смоделировать историю? Мы можем предположить, например, то или иное развитие событий и что за ними последует. История не остановится от того, что мы в своем воображении «перематываем» тот или иной ее отрезок, но результат данного действия будет полезным.

На мой взгляд, проблема ксенофобии и толерантности «замешена» на разнице двух понятий — свободы и воли. Свобода предполагает ответственность. Мы имеем право только до тех пор быть свободными, пока не посягаем на свободу других. Этим же и ограничена толерантность. Ограниченная толерантность предполагает свободу, а неограниченная — вседозволенность.

— Как связаны, на Ваш взгляд, образование и толерантность? (*вопрос из зала*)

В. В. КРАЕВСКИЙ: — В содержание образования входят культурологические концепции, которые предполагают передачу не абстрактного объема знаний, а структурного социального образа культуры, форм социального бытия, которые каждый человек самостоятельно осмысляет и применяет.

А. С. БОЛЬШАКОВ: — Вы сказали: свобода и воля. Но есть еще промысел и рок.

В. В. КРАЕВСКИЙ: — Промысел. Я бы сказал, это относится к религии...

А. С. БОЛЬШАКОВ: — Это не религиозный вопрос, а идеологический.

В. В. КРАЕВСКИЙ: — Могу сказать одно: если в человеке присутствует та самая искра высшего, он имеет совесть как мерило всех своих поступков и намерений.

А. Н. МОСЕЙКО: — Говоря о культуре и диалоге культур, я оттолкнусь от определения культуры, упомянутого Андреем Вадимовичем Смирновым.

Я понимаю культуру как образ мира. С этой точки зрения западная культура резко отличается от российской, в которой выработался свой образ мира. Моя первая специальность — африканист, поэтому я знаю, что в африканской культуре нет разделения добра и зла, неба и земли, прошлого и будущего, жизни и смерти. Все обратимо. Человек может превратиться в животное, а животное — в человека... Мир един, неразделим. Это резко отличается от западной традиции, истоки которой находятся в античности. Об этом сегодня уже упоминали.

Очень интересен российский образ мира. Это образ незавершенного мира, в котором все неокончательно, вечно идет поиск завершенности и справедливости. Неокончателен и выбор — это одна из главных особенностей русской ментальности. Мы любим обращаться к прошлому: можно ли его вернуть и все исправить? Может быть, и можно. Эта неокончателенность выбора существует и на уровне нации, и на уровне личности, и на всех иных уровнях.

Кроме того, российский образ мира четко разделен: черное–белое, правда–ложь, справедливость–несправедливость. Наш мир не триален, по терминологии А. Ф. Лосева, а дуален. Если мы переходим к чему-то новому, то полностью ломаем старое; потом возвращаемся к старому и поклоняемся тому, что разрушили. Этот дискретный, незавершенный образ очень интересен по отношению к российской цивилизации.

Что есть диалог? М. М. Бахтин определил диалог как взаимодействие «я» и «другого». Он утверждал, что если нет другого, то сознание не видит ни себя, ни мира. Только в диалоге с другим возникает осознание себя и мира. Поэтому диалог — это прежде всего создание образов друг друга и сравнение этих образов, что сопоставимо с самоопределением, идентичностью. Для того чтобы осознать себя, надо иметь перед собой другого.

Я изучаю образы России на Западе и Запады в России. На Западе примерно с XVI века существуют две мифологемы. Во-первых, Россия для Запады — в первую очередь угроза; об этом говорили Нойман, Аденауэр и многие другие крупные ученые. Известны слова Уинстона Черчилля: «Варвар стоит у ворот Европы». Во-вторых, Россия — недцивилизованный, а иногда вообще недцивилизованный ученик. Миссия Запады — учить Россию, цивилизовать Россию, окультуривать ее. Повторяю, эти две основные мифологемы существуют на Запады на протяжении многих веков и время от времени актуализируются. Но они могут и оборачиваться в свою противоположность. Так, например, кардинально изменился образ России в начале XX века, в период кризиса после Первой мировой войны, особенно после работы Н. А. Бердяева «Новое средневековье», вышедшей на четырнадцать языках. Россия стала восприниматься как носитель некоего гнозиса, тайного знания, спасения для секуляризированной Европы, потерявшей свою духовность и погрязшей в рационализме. То есть, с одной стороны, Россия — варвар, а с другой — носитель особого тайного знания. Так, православные русские философы-эмигранты внесли большой вклад в развитие идеи о мессианстве России и возможности через Россию спасения для Европы. Тогда согласно второй мифологеме, с одной стороны, Россия — ученик, а с другой — учитель. Не случайно Н. А. Бердяева называли русским Гегелем и русским пророком.

Я не буду подробно останавливаться на образе Запады в России, иначе нам придется углубиться во внутренний российский диалог между славянофилами и западниками, а это особая тема, которая требует отдельного обсуждения.

— В своем докладе Вы в первую очередь говорили о традиционных образах, истоках. Но со временем они, вероятно, меняются. Например, сейчас во главе многих африканских государств стоят выпускники Кембриджа и Оксфорда, они привносят новое, и культуры этих стран, несомненно, меняются, не так ли? До какой степени традиционные образы меняются в результате диалога культур? (*вопрос из зала*)

А. Н. МОСЕЙКО: — Здесь возникает проблема столкновения. С одной стороны, университеты в Африке — это большое достижение, с другой — огромная трагедия для этого континента. Весь научно-образовательный комплекс построен по западному образцу, университеты работают только по западным программам, долгое время в них преподавали исключительно западные профессора, и в итоге эти университеты представляют собой искусственные анклавны внутри традиционной культуры. В этих вузах обучаются молодые люди исключительно из элитарных слоев населения. Огромная трагедия состоит в том, что выпускники африканских университетов не находят применения в своих странах. Если они становятся, скажем, учителями в африканских деревнях, то это заканчивается печально: образованного человека воспринимают там как колдуна и в конце концов убивают. Выпускник университета не может найти работу и в городе, потому что города не в состоянии вместить всех молодых людей с высшим образованием, а тяга к знаниям и еще больше — к карьере у них огромна.

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Вы говорили об африканской картине мира. В связи с этим у меня несколько взаимосвязанных вопросов. Как я понял, вся так называемая Черная Африка (как я понимаю, Вы исключаете Северную Африку) — это нечто единое? Или все же там есть дифференциация в образах мира? Вы описали африканскую картину мира как единую, но затем сказали, что одно переходит в другое. Следовательно, есть различия между противоположностями, если одно переходит в другое. Но если есть различия между противоположностями, то переходят они друг в друга или нет? Если есть еще что-то третье, отличное от этих групп противоположностей, то что их объединяет в этой картине мира? Или третьего нет?

А. Н. МОСЕЙКО: — Я имела в виду, что нет диаметрального разделения, нет дуальности, антикодов. Все переходит одно в другое: после жизни — смерть, за смертью — жизнь; медиатор отсутствует. Этот переход естествен. Подобная мифологическая картина мира существует и сегодня. Кстати, когда я говорю об Африке, то, конечно, я имею в виду Африку южнее Сахары.

— А что происходит сейчас в Сомали? (*вопрос из зала*)

А. Н. МОСЕЙКО: — Мифологическая картина в целом едина. Она отличается лишь у народов банту — в деталях, более кардинально — у дагонов, имеющих свой астрономический календарь.

Что касается Сомали, то это была единственная страна, в которой существовали так называемые группы мщения. Члены этих очень воинственных групп расправлялись

с человеком, совершившим какое-либо преступление. Позже они стали не убивать, а брать выкуп с провинившихся. Таким образом, начала формироваться традиция выкупа. Сомалийцы, как и многие африканцы, считают, что представители белой расы виноваты перед ними настолько, что должны платить и платить им. Если же белые не платят, то африканские пираты берут сами все, что им нравится. Это сомалийская традиция, но она распространена на всей территории Африки.

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ: — Я кратко скажу о некоторых данных, полученных в результате опроса. Речь идет о том, как воспринимают Россию и межнациональные отношения представители разных национальных групп (русские, татары, башкиры, удмурты).

Опрашивались и рядовые граждане, и представители властных и культурных элит, а также специалисты, эксперты. Преобладали следующие мнения: Россия должна занимать лидирующие позиции в мире, быть «мостом» между Востоком и Западом; с одной стороны, у России особый путь, с другой — она не должна никому навязывать свои представления. Кроме того, у каждой этноконфессиональной культурной группы есть свои соображения, как этого достичь.

По ряду причин я не очень хорошо знаком с ситуацией в российско-исламском, российско-иудейском и российско-буддийском мирах. Могу более или менее профессионально судить лишь об элементах православной культуры. Одно дело декларации митрополита в СМИ о том, какое у нас замечательное православие и как оно ведет диалог с другими конфессиями, и совсем другое — как рядовые священнослужители это понимают. Первый пример. Я недавно был в Белгороде. На его центральной улице висит большая растяжка, на которой изображен недавно появившийся у них свой святой покровитель города и надпись: «Бог есть». Это прямолинейное утверждение вывешено с согласия местных властей.

Второй пример. Не так давно я побывал на конференции по православному образованию в Переславле-Залеском. Это недалеко от Москвы, но все же периферия. Там было оживленное выступление молодого человека, предложившего соединить рок-культуру и отчасти православную традицию. Благообразные люди в гневе топтали ногами и кричали с мест.

Не могу сказать, что это тенденции, но хочу подчеркнуть, что, кроме продекларированных принципов взаимопонимания, взаимодействия, диалога и тому подобного, надо не забывать о том, что в многонациональной стране существуют разные субъекты. И на это надо обращать внимание.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Поделюсь своими размышлениями над докладами участников Чтений. Я хотела бы обратить ваше внимание на формулировку нашей темы: диалог культур и партнерство цивилизаций. Очевидно, что в этих терминах есть различия и сходство. Они взаимосвязаны: диалог предполагает партнерство, так же как культура и цивилизации. Но нам требуется определенность понятий. Я бы сказала, что мы стали жонглировать понятиями культуры, цивилизации и диалога, не определяя их достаточно четко. Кроме того, в данном контексте почти исчезает такое понятие, как общество. Как соотносятся общество и культура, общество и цивилизация, и как это назвать?

Применительно к XX веку можно говорить о советской цивилизации. В связи с этим я хочу обратить внимание на недавно изданную книгу «Грамматика цивилизаций» Фернара Броделя, французского исследователя исторической школы «Анналов», очень любимого в Рос-

сии. Написанная в 1960-е и переведенная на русский язык в 2008 году, теперь она включена в наше обсуждение. Фернар Бродель выделяет целый набор цивилизаций: мусульманский мир, Черная Африка, Европа и «другая Европа», которой оказывается Америка, Россия (автор имеет в виду Россию от Московии до 1960-х гг.). То есть за понятием цивилизации скрывается огромное разнообразие, различие — территориальное, историческое и т. д.

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Светлана Николаевна, простите, я Вас прерву. Я уже приводил пример, что в одной статье нашего журнала упоминалась и «чувакская цивилизация». Где же пределы употребления слова «цивилизация»?

С. Н. ИКОННИКОВА: — Да, совершенно верно, так говорят. У меня был аспирант из Чувашии, который вел историю чувашской цивилизации с незапамятных времен. В этом направлении проводятся обширные исследования, следовательно, необходимо обратиться к этим новым понятиям, разобраться в их соотношении и границах, представить те социальные процессы, которые их сближают и разделяют, но могут продолжаться еще длительное время, пока существует человечество. На мой взгляд, мир не может слиться в единое, как предполагают глобалисты.

Прежнее наше представление, начиная по крайней мере с XVIII века, о цивилизациях как о колоссальном накоплении, которое существует исторически и социально, сегодня вновь возвращается, но на новых основаниях. Это требует специального обдумывания.

Гуманитарное мышление в какой-то степени ориентировано на те монолиты, в которых выражена гуманитарная наука. А современный мир — это мир процессов, перемен. Известный польский и английский социолог Зигмунд Бауман даже применил выражение «текучесть». Правда, он употребил эту метафору по отношению к обществу, имея в виду текучесть социальных процессов. Но эта вездесущность действительно характерна для воды — она разрушает «стены», проникает во все «щели» и является своего рода символом, метафорой тех коммуникаций, которые происходят сейчас.

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ: — Светлана Николаевна, все мы знаем «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына. С моей точки зрения, это не совсем метафора, а нечто гораздо большее. Как Вы считаете, система лагерей в России и концлагерей в Германии — это культура или антикультура, цивилизация или антицивилизация?

С. Н. ИКОННИКОВА: — Если считать, что культура археологична, ценностна, то все, что связано с пытками, душегубками, холокостом и любым уничтожением, — это антицивилизация. А если придерживаться мнения о том, что культура есть то, что создается, принимается и разделяется, то для Германии и России нацизм и советский режим являются неотъемлемой частью той культуры, в которой выросло человечество. В этом смысле, мне кажется, применим термин текучести. Мы видим, как ушедшая и не применяемая на практике идеология по-прежнему существует в наших суждениях о различных социальных процессах.

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ: — Это имманентно присуще человеческому организму или это издержки его эволюции?

С. Н. ИКОННИКОВА: — Да, может быть, издержки. Есть еще в культуре «вирус» разрушения, который проникает во все сферы. Например, современные криминальные

структуры, коррупция, употребление в речи воровского жаргона и многое другое. Этот вирус разрушает современную культуру, но он ее часть.

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ: — Я задал вопрос о ГУЛАГе, потому что, как мне кажется, сложившееся представление о том времени не совсем верно. Все-таки советская система была относительно самодостаточной и в любом случае является большой цивилизацией.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Конечно, часть той советской цивилизации неотделима от нашей. Но мы привыкли познавать цивилизацию только по вершинам гуманистических достижений. Как вчера говорил Виталий Товиевич Третьяков, русскую культуру узнали лучше в российской цивилизации.

И. О. ФОНЯКОВ: — На фоне тонких философских категорий, которые обсуждаются здесь, может быть, мое мышление покажется чересчур приземленным, но для меня нет вопроса, что такое диалог культур. Когда я слышу слово «диалог», то представляю себе лица конкретных людей или, в иных случаях, текст иноязычного поэта, который я должен понять и перевести, чтобы сделать понятным для своих современников. При этом важно сохранить то, что хотел сказать иноязычный поэт. «Писать стихи, учиться говорить, слов не хватает, я ищу слова, чтобы сказать вам то, что больше слов», — вот для меня определение культуры. Это то, что больше слов, но что при наличии мастерства или таланта может быть выражено в слове.

Для меня диалог культур, взаимопонимание цивилизаций ассоциируются с конкретными точками на земном шаре. Например, это замечательный остров Готланд (Швеция) в нашем любимом Балтийском море, где уже 15 лет функционирует международный Балтийский центр писателей и переводчиков (Baltic Centre for Writers and Translators). Там мы встречаемся и ищем взаимопонимания, что подчас довольно трудно и мучительно, потому что мифы существуют и о нас, и о других народах. Мифы надо развеивать, но какие-то из них и утверждать. Мифы — это не всегда плохо. В нашем центре один раз в два года проводятся так называемые «Балтийские встречи» писателей и переводчиков. Состоялись уже две встречи: в Калининградской области и на острове Готланд, третья вскоре должна пройти в Санкт-Петербурге. Я подчеркиваю, *должна* пройти, поскольку все может быть. Так, в свое время я имел удовольствие на том же острове Готланд огласить приглашение от имени нашего губернатора, обращенное к зарубежным коллегам, но в последний момент чиновники, сославшись на кризис, сочли возможным захлопнуть двери перед носом приглашенных гостей. Однако традиция, к счастью, не прервется. Маленькая Эстония, которой кризис также коснулся, все же изыскала возможность принять гостей, в том числе и российских, в русскоязычном городе Нарва.

Диалогу культур часто мешает бесправие носителей культуры, особенно художественной. Мы, члены творческих союзов, существуем сейчас без права в прямом смысле слова: закон о творческих организациях отсутствует, и мы вообще находимся вне правового поля. В лучшем случае к нам относятся как к обществам любителей певчих птиц или любителей пива. Мы беззащитны перед прихотями, переменами настроений чиновников, которые, казалось бы, должны отвечать за состояние культуры. Так что пока у нас не будет закона о культуре, настоящего диалога не получится. Я не говорю, что его не будет, он в любом случае продолжится: мы все равно будем встречаться, переписываться, переводить труды друг друга и продол-

жать ту работу, которую на нас возложила судьба. Но этот диалог будет очень затруднен, до тех пор пока наше правовое поле не будет приведено в соответствие с необходимостью вести тот самый диалог культур и цивилизаций.

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Я хочу поблагодарить Илью Олеговича за интересное выступление. После того как в течение многих лет общаешься с людьми сомневающимися, вечно колеблющимися, приятно встретиться с человеком, которому понятно, что такое диалог, и который не сомневается в его необходимости. Спасибо за эту уверенность. Она стимулирует и других быть более уверенными.

Вы, конечно, знаете таких многих восточных поэтов и владеете традицией перевода. Вы заявили, что все переводы их стихов оказались сегодня неудовлетворительными, сейчас идет большая работа по переводу этих поэтов, и вы стараетесь понять, о чем они пишут. Есть ли осознание того, что Вам не всегда понятны переводимые Вами авторы, или Вы никогда не сомневаетесь?

И. О. ФОНЯКОВ: — Разумеется, я сомневаюсь. Если бы не сомневался, то ничего бы не смог сделать. Что касается того, почему сейчас вдруг оказались неудовлетворительными переводы тех великих поэтов Востока, о которых Вы говорите, то это естественное явление. Каждый настоящий глубокий поэт неисчерпаем. Собственных классиков мы прочитываем в разном возрасте по-новому. Например, Гоголя мы сейчас читаем иначе, чем нас учили в школе. Это совершенно естественно, мне кажется.

— Спасибо Вам за эмоциональное и красивое выступление. Скажите, есть ли у Вас стихи о диалоге и партнерстве цивилизаций? Можете прочитать хотя бы одно? (*вопрос из зала*)

И. О. ФОНЯКОВ: — Я могу лишь повторить трехстишие шведского поэта Ларса Бэкстрема:

Писать стихи — учиться говорить.
Слов не хватает. Я ищу слова,
Чтобы сказать вам то, что больше слов.

Так я его понял, так я его перевел.

— Спасибо. Прекрасно. (*реплика из зала*)

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Напомню один исторический факт. Группа наших ученых, возглавляемая академиком Юдиным, перевела трехтомник Мао Цзедун. И если академик Юдин не знал, как перевести с китайского то или иное высказывание, он писал так, как должен был писать истинный марксист. Поэтому говорили: неизвестно, где в этих переводах кончается Мао Цзедун и начинается Юдин.

И. Л. ЛЕБЕДИНСКИЙ: — Мне хочется сказать о том, что Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов за последние 15 лет сделал огромный рывок. Из захудалого вуза он превратился в один из ведущих университетов России, в том числе и по культуре. И дело, конечно, не в том, что когда вы входите, здесь принимают пальто так, как не принимают ни в одном российском вузе, и не в том, что построены прекрасные новые здания. Многие наши университеты имеют даже лучшие помещения. Дело в Лихачевских научных чтениях — именно они создали университет. Ничего подобного даже близкого к этому не смог сделать ни один вуз России. После развала СССР диалог культур в России, как известно, резко сокра-

тился по всем направлениям, но именно в этот сложный момент Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов сумел сделать большой рывок в будущее.

В этом году исполняется 10 лет Санкт-Петербургскому международному семинару по взаимовлиянию культур славянских народов. Семинар посвящен научному осмыслению культурного развития и диалога культур. Межгосударственные отношения время от времени обостряются, в то время как культура соединяет. Поначалу семинар проходил лишь по линии взаимодействия культур Польши и России, а сейчас усиленно развивается по линии Украины и России. Украинское правительство наградило руководителя семинара орденом Святой княгини Ольги III степени. Это уже международное признание.

Как дальше будут развиваться Международные Лихачевские научные чтения, как будет прогрессировать диалог культур, зависит от всех нас.

— Возможен ли вообще диалог в сегодняшней ситуации? (*вопрос из зала*)

И. Л. ЛЕБЕДИНСКИЙ: — Есть два пути развития. Один из них — дальнейшее совершенствование и повышение достигнутого уровня. В этом году на Чтения приехали представители 28 стран, на будущий год или через год, возможно, приедут делегаты из 35–40 стран. Нам представляется, что в существующих рамках Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов нужно создавать под эгидой Чтений параллельные культуроведческие мероприятия: коллоквиумы и семинары с ограниченной тематикой, подобные тем, что уже организованы и доказали свое право на существование. Я имею в виду уже упоминавшийся международный семинар по взаимодействию культур славянских народов. В Петербурге имеются консульства не только Польши и Украины, которые уже принимают участие в его работе, но и Болгарии, Белоруссии и др. Надо создавать новые ветви диалога, тогда «дерево» будет более могучим.

Работа первой секции включает около 20 докладов, но только два из них по Востоку — по Африке и Дагестану. Очень хорошо, что они есть, но этого крайне мало. Мы не ведем диалог с иными восточными культурами, в частности с культурой Китая, который завтра будет главным экономическим гигантом в мире.

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Согласен. Если мы не поймем Восток, то не поймем 11 сентября.

И. Л. ЛЕБЕДИНСКИЙ: — Мы не обращаемся к культурам Индии, Бразилии, Японии и других стран. Это, конечно, надо исправить.

Есть проблемы и дискуссионного плана. Мне представляется, что необходимо создать телеканал «Лихачевские научные чтения». Где его открыть? Рядом, в студии Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения, есть студия. Можно объединить усилия. Имеются специалисты по обработке телематериалов — студенты и преподаватели этого вуза. Мне кажется, что стоит использовать великолепнейший киноконцертный зал Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения. И, разумеется, необходимо взаимодействие с Санкт-Петербургским Гуманитарным университетом профсоюзов.

А. С. БОЛЬШАКОВ: — Господа ученые! Мы должны научиться измерять культуру, понять, как это делать, с помощью каких критериев. Если мы говорим о диалоге культур, то должны понимать, что такое культура, каковы ее параметры, переменные, как они коррелируют. Мы все

это должны знать. Однако на эту тему не пишут диссертаций. Кроме того, я хотел бы обратить ваше внимание на то, что вчера ни слова не было сказано о духовности. Что такое духовность? Как она влияет на человека, какой потенциал ему дает? Наверное, следовало бы пригласить на Чтения православных священнослужителей — тогда конференция перешла бы на качественно иной уровень.

Мы не поймем культуру, пока не определим, что такое духовность, благодать, промысел. Многие ученые этого не понимают или не хотят понимать. Поэтому я предлагаю ввести и исследовать хотя бы одно новое духовное измерение.

— Я хотел бы сказать о проблеме измерения уровня духовности... Мне кажется, что проблема заключается как раз в том, что на самом деле декларируемая религиозность часто расходится с теми чувствами, которые декларирует. Мы следуем традициям, определенным канонам, когда говорим о православии. Социологические исследования показывают, что лишь небольшое число людей после принятия православного исповедания посещают храм, религиозные собрания и совершают какие-то культовые ритуалы. Многие идентифицируют себя как верующих, даже убежденных верующих, но при этом никак не участвуют именно в ритуальных мероприятиях. Каким образом можно сопоставлять субъективные и объективные показатели? Это научная проблема. На самом деле объективные и субъективные сферы духовности не измеряемы математически, в том числе и религиозность. Можно лишь говорить об этом. (*реплика из зала*)

А. С. БОЛЬШАКОВ: — Я вкладываю в слово «духовность» совершенно иной сакрально-энергетический смысл. Человек способен видеть мир по-другому и духовно подпитываться. Это подтверждает духовная практика.

Ю. В. ЗОБНИН: — Любопытно, что любой чиновник Министерства культуры СССР описал бы вам те параметры, причем четко сформулированные, которыми измеряется степень интенсивности культурной жизни в стране. Собственно говоря, этими же параметрами измеряется и культура. Это прежде всего количество изданных за год книг, посещений библиотек, музеев и иных объектов культурной сферы. Эти цифры отражают не только советский формализм, но и заинтересованность нации в развитии собственной национальной культуры. И еще один важный момент. По моему, у нас все перепуталось: культура личности и культура народов, разных этносов.

— Академик Крылов сказал: «Математика подобна мельнице. Какое зерно в нее насыплешь, такую муку и получишь». Если в мельницу математического анализа заложить глупость, то и получишь глупость, как правило, еще большую. У меня есть тому подтверждение. К нам пришел один человек, который нигде не мог получить согласие на апробацию своей педагогическо-математической концепции. Он перемножал показатель совести на творимость, духовность и еще что-то. Он прямо-таки писал формулы педагогики. В конечном счете можно и до этого дойти. (*реплика из зала*)

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Я обращаюсь к первому оратору, который говорил об архитектонике сознания и о способах его выстраивания. Интерес как раз в проблеме выстраивания, в том, как задаются смыслы. В моем представлении национальные смыслы, в том числе и структуры языка, задаются не только лексикой (этот вопрос достаточно подробно рассмотрен), но и синтаксисом. К примеру, в русском языке есть некие основания,

которые можно представить как способ задания некоего смысла. Мы можем различным образом переставлять слова, которые связаны друг с другом за счет определенных формообразующих структур. У нас есть специфика формообразования, словообразования и связи, согласования слов. Мне кажется, синтаксические структуры влияют на то, как мы смотрим на реальность. В своей диссертации я выстраиваю нашу онтологию: как мы видим картину мира, способ познания мира, социальную реальность и представление о человеке, исходя из синтаксических особенностей нашего языка.

В лингвистике есть два типа формообразования — аналитический и синтетический. Например, если форма задается за счет присоединения внешнего артикля, это аналитическое формообразование. В русском языке структура слова остается, но меняются приставки, суффиксы. Это синтетический способ словообразования. С одной стороны, за счет этой гибкости получается некое общее слово. С другой — в большой гибкости есть определенная тонкость. С моей точки зрения, в этом и заключается наша особенность, некий внутренний стержень.

Это имеет прямое отношение к диалогу культур и цивилизаций. Предположим, встречаются представители русского и англоязычного мира. В английском языке как раз аналитический способ словообразования. Для них оно связано с формальными процедурами, а у нас это скорее некий алгоритм действий. Если рассматривать диалог и его участников, то для нас это подстраивание под мир, под ситуацию, притом что внутренняя основа неизменна.

Я считаю, что нельзя мыслить в рамках категорий «плохо–хорошо». В какой-то ситуации русские проявляют гибкость, которая не только способствует диалогу культур, но и создает определенную сложность. К примеру, встречаются два бизнесмена, француз и русский. Француз, исходя из жесткой структуры предложения, приносит по процедуре собранные материалы о том, что представляет собой фирма, в которой он работает. А русскому с его подстраиванием под ситуацию неважно знать эту фирму. Для него главное — посмотреть на человека, который ее представляет, и понять, насколько этот человек соответствует его внутренним представлениям. Не фирма с бумагами важна, а личность. Так же и наше словообразование подстраивается не под структуру предложения, а под его смысл, как мы прилаживаемся друг к другу. Для русского главное — понять, кто перед ним. И он приглашает партнера в баню или куда-нибудь выпить, чтобы понять, что у того внутри и как под него подстроиться. И как только он это поймет, ему все станет ясно, а формально собранная информация, в том числе и документы, не дают ему ответа. У француза все наоборот — ведь у него формальный подход.

— На Ваш взгляд, каждая культура имеет такие формы взаимодействия, диалога? Скажем, в одной из восточной цивилизаций основой этики является так называемый «обмен позициями». Каждый человек, вступая в общение с другим, мысленно обменивается с ним позициями, то есть ставит себя на место другого, интуитивно чувствуя, какова его позиция. Другой делает то же самое. Происходит диалог как обмен позициями. Французы, пообщавшись с представителями этой цивилизации, сочли их скользкими, двоедушными людьми, потому что каждому новому собеседнику они говорили по-разному об одних и тех же вещах, на ходу подстраиваясь под этого человека и становясь на его позицию. *(реплика из зала)*

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Мне кажется, в Вашем вопросе уже содержится ответ на него. Конечно, я говорю о русском языке, утверждая, что у нас есть способ под-

страивания, при котором внутренняя суть остается прежней, а подстраивается периферия. Например, кому-то я улыбнусь и буду просто милой дамой, для кого-то я буду представителем науки, доцентом, потому что надену очки и т. д. Я подстраиваюсь под ситуацию, но внутри остаюсь той же. В Вашем же примере другой тип подстраивания, когда «я» изменяется. А, скажем, в Соединенных Штатах «я» неизменно, американец не меняется ни периферийно, ни сущностно. Вступая в диалог, надо это понимать. Анализ языка — один из способов познания другого, ибо язык отражает присущий нам метод общения с миром. Если мы его понимаем, нам проще вести диалог. И я не стану обвинять собеседника в лживости, понимая, что это просто его форма диалога.

— Приходилось ли Вам наблюдать русских бизнесменов во время их переговоров с западными коллегами? У меня такой опыт был, и, честно говоря, он расходится с тем, что Вы сказали относительно русского человека, которому якобы наплевать на то, какие бумажки ему принесли. Я как раз видел обратное. *(реплика из зала)*

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — У нас появляются новые тенденции, увеличивается количество людей, которые владеют иностранными языками. Это влияет на нас. С моей точки зрения, влияние иностранного языка, фактор двуязычности изменяет нашу структуру. Когда я изучала сферу бизнеса, то разговаривала с людьми, которые долгое время работали за границей. У них совершенно другой стиль мышления. И поэтому они предъявляют к нам, русским, претензии, какие предъявил бы иностранец: безалаберность, панибратство и т. п. Конечно, человек меняется. Но в рамках языка все равно есть некая субъективность. С одной стороны, я — носитель всеобщей культуры русского языка, а с другой — у меня есть собственное выстраивание, я вступаю со своим языком в диалог. Конечно, я не проводила специальных социологических исследований и не знаю, каков процент подобных явлений. Но, изучив данную проблему, я вижу, какова реальная тенденция в ведении бизнеса в России и на Западе. Все в диалоге.

— Спасибо. Я как раз в этом диалоге встал на сторону докладчика. Разумеется, каждый знает, что если требуется перевести статью на английский, то бесполезно отдавать ее переводчику, а надо просто заново написать на английском языке. Потому что если я изъясняюсь на английском, то я говорю иначе, и моя статья будет написана по-другому. Она будет о том же самом, та же по сути, но при этом совершенно другая. Я согласен, что язык задает все. Надо не примитивно понимать, что язык влияет на произвольное мышление или на что-то еще. Принимая язык, мы принимаем ситуацию. *(реплика из зала)*

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Картину мира.

— Можно ли, изучая язык, понять тип поведения его носителя? Ведь язык — это тоже целостность. Мне как раз понравилось, что Вы такую нить протянули. Но вопрос остается: что является мостиком, который позволяет осуществить переход от языковых особенностей к культурным, или это просто метафора? Вы говорили о синтаксисе. Есть ли параллель между концептами русского языка, чем занимаются Людмила Вербицкая и другие, и теми синтаксическими особенностями, о которых Вы говорили? *(вопрос из зала)*

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Здесь играют роль не только языковые концепты, например синтаксис, но и некие

культурные проявления. К примеру, тема человека, антропологическое представление о русской культуре. С этой позиции задается свободный порядок слов в предложении, которое не имеет жесткой структуры. Один из разработанных концептов — русская широта. Задается некое расширение, в рамках которого ты свободен. Такая широта проявляется в разных способах существования. То же самое можно сказать и о свободе эмоциональных проявлений (о чем пишет Вербицкая), которая в большей степени свойственна русской культуре, чем английской, связанной жесткой структурой предложения, что вводит некие рамки. Так что, безусловно, концепты связаны со структурой. Мне кажется, что структура задает некую направленность, которая уже уточняет концепты. Мало того, возникает вопрос о том, что русская культура непостоянна. Например, есть культура русского Средневековья, и есть смысл рассматривать концептуальные положения, которые были характерны для того времени, потому что синтаксис более или менее постоянный. То есть синтаксис — это направленность. А как данная культура развивалась, мы сможем понять, анализируя концепты.

Ю. В. ЗОБНИН: — Мы говорили о «диалоге культур», но ведь существует еще и диалог личностей. Илья Олегович поставил вопрос: «Что такое диалог?» Это когда два субъекта коммуникации каким-то образом вступают в контакт. Я представил сцену, как ваш покорный слуга и его английский коллега Майкл Баскер ведут диалог — но мы можем это сделать только как личности. Я задал себе вопрос: «Вступая в диалог с Майклом, ощущаю ли я себя еще и представителем русской культуры, которая вступает в диалог с представителем английской культуры?» И вынужден был ответить: «Нет». Майкл интересен мне не как носитель английской культуры, а как личность. Боюсь, что я для него тоже не интересен как носитель русской культуры. А вот если бы я вступил в диалог с представителем народа Сомали (об этой стране упоминала сегодня уважаемая Аида Николаевна Мосейко), думаю, он был бы мне очень интересен и как личность, и как представитель своей национальной культуры. Не знаю, насколько я был бы интересен ему в аналогичном качестве. Это значит, что русская культура сейчас переживает состояние глубокого упадка, — по той простой причине, что она неконгениальна сомалийской культуре, которая гораздо более активна.

При диалоге культур я должен остро ощущать себя представителем некой корпорации (в данном случае русского народа), который имеет в качестве партнера по диалогу представителя другой корпорации. Но я не уверен, что для нас данная культурная корпоративность сейчас актуальна. В этом смысле говорить о диалоге культур мы можем только тогда, когда встречаем другое.

Главная идея моего доклада заключается в том, что существовало три волны русской эмиграции: первая — белая эмиграция, вторая — так называемые перемещенные лица, третья — американская диаспора (это не только диссиденты). Первая волна эмиграции создала яркое явление — литературу с двумя поколениями писателей, а также философию и искусство. Вторая волна практически ничего не создала. А третья почти на сто процентов состояла из деятелей искусства, диссидентов, приехавших из Советского Союза, сформировавшихся именно в том контексте. То есть потребность создания собственного искусства была только у первой волны эмиграции. Именно первые эмигранты воспринимали себя как некую корпорацию «Русские люди за рубежом». И это хорошо накладывается на концепцию этногенеза Льва Николаевича Гумилева: оформление общности от консорции через конвекцию в субэтнос и этнос. Причем, заметьте, Лев Гумилев говорил, что может быть удачный и неудачный этногенез, но

только в высших проявлениях этногенеза возможно создание форм индивидуального искусства. По сути дела, искусство — это одна из главных форм диалога культур. Об этом я и хотел сказать.

— Юрий Владимирович, меня несколько смутила Ваша фраза о том, что некий англичанин неинтересен Вам как носитель английской культуры. Я хотел бы продолжить эту мысль и задать вопрос. Например, общаются главы государств — России и Германии. Кроме политических проблем они обсуждают серьезные вопросы в рамках диалога культур, отстаивая интересы своих стран. Да и рядовые граждане (русские, татары, немцы, баварцы) не просто общаются, у них тоже есть какие-то свои интересы. Они не подходят друг к другу и не говорят, что ты мне интересен как баварец. Чаще они говорят что-то вроде: «Я хочу у тебя купить то-то и то-то» или «Покажи мне мюнхенскую пивную» и т. п. То есть бывает общение ради общения, и в основном диалог культур строится не по интересам. (*реплика из зала*)

Ю. В. ЗОБНИН: — Глобализация, по сути дела, — это разрушение национальных культур и создание некой единой универсальной культуры. Я так ее понимаю. Ни о каком диалоге здесь и речи нет. Это трансформация.

— То есть Вы стоите на позиции В. М. Межуева, который считает, что вместо глобализации — глокализация? (*вопрос из зала*)

Ю. В. ЗОБНИН: — Скажем так, глобализация — это в какой-то мере культурная деградация, как ни дико это звучит. Аналоги этому уже были, например в Римской империи.

А. Н. МОСЕЙКО: — А другие процессы культуры?.. Глобализация, с одной стороны, а с другой — сильнейшая реакция отрицания, и, кстати, в первую очередь молодежь. Кто вчера аплодировал, когда В. Т. Третьяков говорил о разрушении русского языка и русской культуры при помощи массовой культуры? Не мы, профессора, а студенты, девочки и мальчики. А Вы знаете, какие песни поют сегодня школьники? Здесь присутствует Ольга Шемякина, жена известного ученого. Она рассказывает, что ее сын и его друзья, ученики пятого класса, поют советские и русские народные песни. Причем их выбор принципиален.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Я не так давно стал работать в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов на кафедре управления. Многие аспекты этой тематики мне близки по ряду причин. Довольно долго я занимаюсь проблемой развития национальных экономик в условиях глобализации. В 2004 году после защиты докторской диссертации в Германии вышла моя книга на немецком языке о позициях и перспективах российской экономики в условиях глобализации. Совсем недавно издательство нашего Университета выпустило мою книгу «Национальная экономика в эпоху глобализации», где также рассматривается ряд вопросов, имеющих отношение к тематике нашей конференции.

Когда мы говорим о культурах и их взаимодействии, возникает вопрос, в чем истоки данной проблематики. Почему разным культурам зачастую так трудно вести диалог, который просто необходим в нынешних условиях?

С моей точки зрения, различие культур исторически закладывается тем многообразием условий для жизни и хозяйственной деятельности, которые существуют в разных точках земного шара. Если посмотреть на животный

и растительный мир, то очевидно, что там царит почти абсолютная территориальная привязанность. Каждая особь живет на строго ограниченной территории земного шара и не выходит за ее рамки. Человек же создает вторую природу, но это очень длительный процесс. Когда-то социальные общности развивались на ограниченных, удаленных друг от друга территориях. Это обусловило культурные особенности, различия идентичностей. Вести диалог в условиях этих различий действительно трудно.

Мы говорим сегодня о диалоге культур в условиях глобализации. Почему раньше — скажем, до 1970–1980-х годов — у нас не было глобальных форм ведения хозяйственной деятельности, а сегодня мы пришли к глобализации? Человек развивается технологически, экономически и в результате получает все больше возможностей преодоления территориальной привязанности. Так, появляются информационно-коммуникационные технологии, которые делают контакты мгновенно возможными, стоит лишь зайти на нужный интернет-сайт в любой точке земного шара. Если говорить об экономике, то сегодня появляется универсальный потребитель. Например, то, что «мерседес» лучше «запорожца», понятно любому человеку независимо от его культурной принадлежности. Появляется все больше моментов, в которых мы одинаковы.

Я думаю, что есть и культурные факторы глобализации. В результате всех накопленных предпосылок очень интенсивным стало культурное общение. Предыдущий докладчик рассказал об общении со английским коллегой. Вообще люди, принадлежащие к разным культурам, контактируют все более интенсивно.

Здесь возникает удивительный момент. Я часто общаюсь с немцами и однажды услышал следующее. Они вдруг обнаружили, что китайцы во многом похожи на них — именно поэтому в Китай приходит много иностранных инвестиций. Да, западная цивилизация имеет развитую демократическую систему. Китай же отличается стабильностью, умением выполнять договорные обязательства. В этом китайская культура близка к европейской и американской. По общему объему прямых иностранных инвестиций Китай сегодня сопоставим с США, и все ожидают, что вскоре он будет лидировать в данной сфере.

Что касается глобализации на американский манер, то, как мне кажется, мы зачастую впадаем в некую крайность. Нельзя сказать, что глобализация автоматически означает исчезновение всех национальных культур и появление чего-то среднего. Кроме того, нельзя, наверное, ставить знак равенства между глобализацией и американизацией. Приведу в пример европейскую интеграцию. Разве это не глобализация? Безусловно, да. Но на американском континенте нет ничего похожего на подобные процессы. То есть в США интеграционные связи не такие, как в Европе, не говоря уже об Индии и Китае, которые являются важными игроками на мировой политической арене. С моей точки зрения, дело, наверное, не в том, что у нас осуществляется глобализация на американский манер, а в том, что экономическая основа глобализации очень близка к законам рыночной системы. В США более рыночная хозяйственная система, чем в Европе, поэтому и создается впечатление, что происходит именно «американизация».

И последнее. Во время недавнего трехмесячного пребывания в Германии я впервые столкнулся с выражением «другая глобализация». В мире все чаще употребляют этот термин, который предполагает, что до сих пор процесс глобализации был односторонним. Мы не учитывали интересы беднейших стран, многие социальные и культурные аспекты. Мы действовали однобоко. Учтя эти ошибки, теперь мир глобализуется по-другому.

Вообще, когда мы говорим о глобализации, то не имеем в виду что-то конкретное. Глобализация — это станов-

ление мирового хозяйствования. Предполагается, что теперь нам всем надо действовать как-то по-другому. Например, развитые страны как самые активные игроки на этом глобальном поле должны осознать, что необходимо изменить модель.

Я думаю, что и в контексте диалога культур проблема другой глобализации также имеет значение. Если в экономике не очень трудно найти какие-то общие моменты и параметры измерения, то в плане культуры глобализоваться сложнее. Существуют две тенденции. С одной стороны, культурное общение отличается многообразием, все активнее идет поиск разных точек соприкосновения. С другой — культурные устои очень прочны, их трудно размыть; историческая основа так глубока, что своеобразие культур преодолеть непросто. Взаимодействие двух данных тенденций, очевидно, и будет определять направление культурного диалога в условиях глобализации.

— Вы различаете понятия «диалог культур» и «конвергенция культур»?.. Вы нарисовали модель разделенных стран и затрудненных контактов, но, на мой взгляд, диалог культур только в такой ситуации и возможен, а вовсе не затруднен. Если же речь идет о столкновении с помощью современных технологий двух ярко выраженных культур, то это уже не диалог, а что-то вроде «встречи» двух айсбергов с образованием третьего. (*реплика из зала*)

Г. Ф. ФЕЙГИН: — На самом деле между диалогом культур и конвергенцией культур, с моей точки зрения, провести четкую разделительную линию затруднительно. Допустим, есть две культуры, которые четко осознают собственную идентичность, и они общаются. Другая ситуация, когда идет взаимопроникновение, что невозможно без диалога. По моему мнению, если диалог ведется, то он многообразен и интенсивен, хотим мы того или нет. Конвергенция — тоже элемент диалога, но, конечно, она происходит по-разному. Приведу пример — страны Шенгенского соглашения. По сути дела, между ними нет государственных границ. Португалец может переселиться в Италию, итальянец в Чехию и т. д. Казалось бы, все европейцы могут разъехаться кто куда — но этого не происходит! Культурная общность все-таки удерживает большинство людей, родившихся и выросших в одной стране, именно на ее территории, несмотря на то, что формально границ не существует. Культура удерживает людей вместе на родной земле. Конвергенция культур происходит медленнее, чем их диалог, но ограничить ее, мне кажется, тоже трудно.

— Спасибо за интересный доклад. Как Вы считаете, не происходит ли в Ваших рассуждениях о глобализации то же, что и в самой глобализации, то есть не подменяете ли Вы универсальный, общечеловеческий глобальный опыт опытом Европы, с которым Вы, очевидно, хорошо знакомы? Аргумент, что китайцы похожи на немцев, поскольку пунктуально выполняют контракты, наверное, ничего, кроме улыбки, вызвать не может.

Это такое серьезное отношение к другой культуре, понимание глубоких различий культур или, наоборот, архипositивистическое убеждение, что все мы будем похожи на самую хорошую из культур, причем неизвестно, какая из них самая хорошая? Нет ли у Вас ощущения, что так не бывает, чтобы культура осознавала себя как другую? Но как это, извините, бывает? Весь опыт Советского Союза об этом говорит. В мусульманских республиках, которые были окраинами СССР, представители мусульманских культур всегда воспринимали себя именно как «других». Когда я приезжал туда с арабами, местные партийные функционеры всегда находили с ними общий язык, не зная

ни слова по-арабски, — с помощью одного слова «муслим». Они говорили: «Я муслим. Коммунист. Председатель райкома. Ты муслим» и т. п. Так они сразу устанавливали культурную идентичность. Они себя осознавали представителями культуры, которая противопоставлена культуре русских, европейцев и иных народов. Это самый простой пример.

Относительно Вашего примера о сравнении «запорожца» и «мерседеса» в пользу последнего могу сказать только одно. Для того чтобы был глобальный потребитель, требуется, чтобы были глобальные одинаковые условия. Боюсь, что Вы давно не бывали в русских деревнях. Например, в той деревне в Тверской области, где я живу, никто не ездит на иномарках, хотя могли бы. Люди предпочитают отечественные автомобили в силу известных особенностей наших дорог и всего прочего. (*реплика из зала*)

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Благодарю Вас за высказанные комментарии и вопросы. Я далек от мысли (и уже говорил об этом), что сегодня глобализация полностью стирает культурные различия. Более того, я подчеркивал, что как раз культурная глобализация гораздо труднее, чем экономическая, потому что именно культурные особенности имеют глубокие исторические корни. Поэтому установленные контакты принимает самые различные формы, в том числе и те, о которых Вы говорите.

Когда мы говорим, что глобализация — это распространение американской, европейской или еще какой-то модели на все человечество, то в этом есть определенная доля истины. Однако я считаю, что глобализация — это становление (по крайней мере в экономике) глобального мирового хозяйства. Она не обусловлена желанием какой-либо одной страны, одного народа. Это то, к чему человечество шло на протяжении всей истории. Кстати, в моей книге приводится краткий исторический обзор движения мирового хозяйства к состоянию глобальности. Я анализировал, в какой степени в каждую эпоху мировое хозяйство было более или менее глобальным или неглобальным. Конечно, сегодня есть разные подходы к данной проблеме, в том числе национальные, цивилизационные, но, по моему мнению, глобализация — это продукт развития всего человечества.

А. Ф. ИЗМАЙЛОВ: — Тема моего сообщения — межкультурная коммуникация и осмысление культурного пространства города в текстах Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Отечественная текстология пытается ответить на вопрос, каким образом городские сообщества на протяжении веков сумели объединиться, взаимодействовать, функционировать, строить информационные и культурные отношения. Город можно рассматривать как открытую систему информационных отношений в природной и урбанизированной среде. По мнению Дмитрия Сергеевича Лихачева, информационное пространство не имеет административно-географических границ. Оно принадлежит всем: государственному и негосударственным структурам, физическим и юридическим лицам, природным силам и человеку — как объединенному сообществу, так и отдельной личности.

Возникновение и развитие информационного пространства в эпохи античности и Средневековья является исторической закономерностью. В 1982 году Дмитрий Сергеевич отмечал, что наши города-памятники, такие как Новгород, Суздаль, Ростов Великий, сопоставимы с западными городами, такими как Верона и другие культурные центры. В статье «Заметки о русском» Дмитрий Сергеевич Лихачев приводит пример многовекового

действия византийского закона о виде, открывающемся от здания. Этот античный градостроительный закон отразился и в русском архитектурном законодательстве. В нем есть четыре статьи, и первая — относительно вида на местность, который открывается из дома.

Дмитрий Сергеевич Лихачев оставил нам изображение будущего Петербурга, он хотел видеть город «горизонтальным», ансамблевым, сохраняющим гамму историко-культурных ассоциаций.

Продолжая развивать лихачевские идеи экологии и культуры, можно сделать следующие выводы.

1. Внимательно глядя на современное информационное пространство городов, можно увидеть, что, несмотря на интенсивное развитие информационных технологий, таких как телевидение и Интернет, в жизни общества продолжает сохраняться разнообразие информационных потоков. В народной среде — на уровне слухов и обыденного общения, в официальных кругах — посредством печатных электронных текстов, в культурном сообществе — на основе устной, печатной, электронной коммуникации. То есть по-прежнему коммуникация в городской среде продолжает нести знания в различные слои общества. И этот информационный поток, можно сказать, закономерен.

2. Поиск модели механизма социального взаимодействия в городской среде приводит к мнению, что информационное пространство человека формируется в результате деятельности его памяти. Информационное пространство семьи — это результат семейной памяти, города — суммарной памяти горожан. Информационное пространство семьи развивает информационное пространство человека и т. д. Значит, наука, которая занимается охраной, восстановлением и развитием нравственного информационного пространства в городской среде, можно назвать информационной экологией. Информационная экология призвана изучать нравственное значение влияния на человека всех информационных взаимосвязей в городской среде.

3. Закон информационного пространства города должен обеспечивать диалог и устойчивое развитие как минимум четырех информационных пространств: личности, семьи, трудового коллектива и территориальной единицы.

М. С. МОТЫШИНА: — До сих пор здесь речь шла о сущностных явлениях, связанных с диалогом культур. Я хочу перевести это в плоскость прагматики и посмотреть на диалог культур с точки зрения различных сообществ — не этносов, не личностей, а сообществ. Можно ли говорить о диалоге культур в рамках социума, в том числе и в России? Есть культура общества, и есть культура правящей элиты. Насколько они совпадают? Это очень важно, потому что траекторию развития, динамику российской цивилизации во многом определяет то, как эта траектория формируется правящей верхушкой. И что бы мы ни говорили, во многом эта траектория для нас установлена институционально — теми решениями, которые принимаются правящей элитой. Не считается с этим нельзя. Но важный вопрос — насколько возможен договор между обществом и властью, совмещение интересов общества и того, что происходит во властных кругах?

Меня на эту мысль навела работа Олега Тимофеевича Богомолова и его группы. Результаты реализации их проекта изложены в книге «Экономика и общественная среда. Неосознанное взаимовлияние». Взаимодействие экономических аспектов и культуры очень важны, и точки над «i» здесь, безусловно, не расставлены. Что тут является базисом, что надстройкой? Возможно, для культурологов данный вопрос не имеет смысла, но для экономистов, которых учат, что есть факторы производства, являющиеся

базисом, а на них формируется надстройка, в том числе и в виде культуры, это очень существенно. И для старшего поколения экономистов, которые зубрили политическую экономию К. Маркса, и для современных специалистов, изучающих экономическую теорию, которая восходит к Адаму Смиту, те же самые факторы производства являются доминирующими, формирующими базис. В этом смысле ни концепция воспроизводства Маркса, ни либеральная, ни неолиберальная модель экономики ничем не различаются — базис формирует надстройку, экономика определяет культуру.

Все это не было бы столь печально, если бы не стало основой наших политических документов, в том числе и стратегии развития. После выступления у нас в Университете московской группы, рассказавшей о своей работе, я ознакомилась с концепцией социально-экономического развития России до 2020 года, утвержденной правительством. Документ представлен на сайте Министерства экономического развития и сопровождается большим количеством иллюстративных материалов. В этом документе, который определяет траекторию развития нашей страны на ближайшие 20 лет, основные направления социально-экономического развития очень похожи на те, которые публиковались в центральной прессе для общественного обсуждения. Все этапы и шаги нашего движения описаны в экономической терминологии. Фигурируют исключительно экономические показатели. Несмотря на то что этот документ называется концепцией социально-экономического развития, я увидела в нем план только экономического развития, а не социального. Культура там по-прежнему рассматривается в узком смысле — как отрасль. В данном случае интерес социума, и в частности его научного сообщества, в корне отличается от интересов одной социальной группы — той, которая руководит развитием нашей страны.

Как декларируются в концепции цели государственной политики в области культуры? Каковы обеспечение максимальной доступности для граждан России культурных благ, образования в сфере культуры и искусства, создание условий для повышения качества и разнообразия услуг, сохранение и популяризация культурного наследия, использование культурного потенциала, совершенствование организационных и правовых механизмов развития культуры? Традиционные, четкие, часто повторяемые формулировки. Но каковы результаты? Реализация данных приоритетных направлений государственной политики в сфере культуры к 2020 году «позволит оптимизировать и модернизировать сеть государственных и муниципальных учреждений, создать условия, обеспечивающие равный и свободный доступ населения ко всему спектру культурных благ, раскрыть творческий потенциал каждого россиянина». Далее примерно в том же духе. В одном ряду стоят задачи: оптимизировать сеть муниципальных учреждений и раскрыть творческий потенциал. Нонсенс. А ведь это официальный документ, утвержденный правительством...

На мой взгляд, все предшествующее вело к тому, что принципиальной особенностью государственной политики в сфере культуры у нас становится децентрализация управления отраслью. Речь идет о финансах — о том, чтобы сократить бюджетные ассигнования на культуру и перейти к внебюджетному финансированию. Вот в чем беда.

Как сделать так, чтобы действительно работали механизмы культурного взаимодействия, чтобы наша цивилизация развивалась? Сама культура и общество во многом, мне кажется, недорабатывают в плане формирования необходимых механизмов. Например, в сфере образования: мы, по сути, воспроизводим все тех же экономистов, ко-

торые потом идут работать в бизнес-структуры. Они формируются как специалисты на базе все тех же стандартов образования, то есть прежней экономической теории. Никаких проблемных, междисциплинарных образовательных программ, которые позволяли бы по-другому увидеть ядро развития современного общества, практически нет, хотя это должно быть свойственно университетам. Ведь наряду с формационными существуют и цивилизационные концепции, но эти знания заложены лишь в кандидатский минимум, и то далеко не во всех университетах. Студенты о них даже не подозревают, как и о многом другом, хотя по этому поводу написаны замечательные книги. Мы проходим мимо этого, и наши усилия, наверное, недостаточны.

По-моему, надо выработать больше рекомендаций по итогам, например, наших Чтений, чтобы они становились достоянием гласности. У нас на конференции присутствует представитель президента. Может быть, следует приглашать не только представителей академического сообщества, но и тех, кто принимает решения в стране, чтобы они могли, так сказать, взглянуть на себя со стороны.

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Во время выступления Егора Гайдара ему задали вопрос: «Какие главные ориентиры в Вашей политике?» Он ответил: «Макроэкономические показатели». Тогда его спросили «А как же человек?» — «А это, — говорит, — нас пока не интересовало».

М. С. МОТЫШИНА: — Егор Тимурович — приверженец леволиберальной модели. Кстати, он очень уважает Карла Маркса; как я уже упоминала, в его учении основа та же, что и в современном, — экономический базис. Это опасная тенденция, что человек вновь фигурирует в экономической литературе в качестве «человеческого капитала», фактора производства. Капитал — это то, что приносит дополнительный доход, добавочную прибыль. Этот подход необходимо изменить, но не посредством противодействующих усилий, а с помощью понятных и убедительных аргументов. Надо противопоставить этому подходу не менее действенные концепции, чем те, которыми оперирует тот же Егор Гайдар.

— Марина Станиславовна, как я понял из Вашего доклада, Вы не согласны с тем, что экономика (базис) определяет культуру (надстройку). Вы считаете, что проблема скрыта в наших учебных программах, где нет достаточного информационного опровержения данного подхода? (*вопрос из зала*)

М. С. МОТЫШИНА: — В том числе и это. Например, сегодня нигде не представлена концепция академика Российской академии естественных наук Ю. В. Яковца.

— То есть надо модернизировать экономическое образование таким образом, чтобы другие концепции, в частности Ю. В. Яковца, стали известны студентам? (*вопрос из зала*)

М. С. МОТЫШИНА: — Да. Университетское образование должно быть совокупным, а не следовать тем стандартам, которые составляются чиновниками.

— Дело в том, что концепция человеческого капитала, человеческих ресурсов давно в прошлом. Сегодня специалист оперирует концепцией человеческого потенциала и человеческого развития. Я не говорю, что все это применяется в политике, но во всяком случае мы под этим документом подписывались. Так, у нас ежегодно издается доклад «Развитие человеческого потенциала в России».

Человеческий капитал — это официальный термин. (*реплика из зала*)

М. С. МОТЫШИНА: — Но пока все это публикуется для ознакомления и активно муссируется в обществе.

Н. Л. РУМЯНЦЕВА: — Я впервые на Чтениях и ощущаю себя здесь как в некоем ковчеге, который, может быть, спасет Россию в эти годы экономического лихолетья. Мне хочется вступить в дискуссию с авторами отдельных прозвучавших здесь докладов и ответить на некоторые поднятые ими вопросы.

Начну с того, что я кандидат технических наук, и тем не менее я также взялась за проблему культуры, ее места и роли в жизни общества. Я готова участвовать в дискуссии о том, что такое диалог культур и возможен ли он, но со своим инструментарием и с позиций своего специфического видения проблемы. Это системный подход, разработанный в основном технарями, — гуманитарный, философский и идеалистический, в котором рассматривается процесс в развитии, от зарождения.

Главная моя установка — как найти единое основание, на котором можно выстраивать диалог культур? Без такого основания не будет успеха и понимания, и тогда говорить о диалоге, культур или людей, мне кажется, невозможно. Поиск этого единого основания и есть цель моего исследования.

Отсюда первый вопрос: «Есть ли ценность культуры как содержащей в себе представление о ценности?» И второй: «Есть ли ценность, общая для всех людей, которая объединяет все культуры и все общности?»

Поиск ответа на эти вопросы заставляет меня рассмотреть, как зарождалась жизнь и как формировались представления о ценности. Здесь я придерживаюсь витального методологического подхода, который в естествознании противопоставлен механистическому. Витальный подход говорит о том, что жизнь имеет некоторые свойства, в частности, ее особенность в том, что у всего живого есть стремление к выживанию в неблагоприятных условиях. Распространяя данный подход на все более сложные живые формы, мы понимаем, что человек тоже имел это свойство. Человеческие сообщества, образовавшиеся в процессе биологической эволюции, обладали способностью к выживанию, которая была обеспечена инстинктивной природой человека. У него есть не только инстинкт самосохранения, но и инстинкт сохранения коллектива. Об этом же говорят и экологи. Популяция животных не могла бы выжить, не обладая инстинктом коллективности. Человек, по крайней мере на этапе биологической эволюции, также этот инстинкт сохранял, он был необходим для выживания.

В результате социальной эволюции инстинкт коллективности как средства выживания перестал быть актуальным и постепенно сменился традициями, сознательной трудовой деятельностью. Сознательная деятельность сформировала новые средства выживания, такие как традиции, мифы, со временем переросшие в культуру. Таким образом, культура, по моему мнению, формируется как средство достижения главной цели; способность к выживанию на биологическом этапе перерастает в цель осознанной деятельности в процессе социальной и культурной эволюции.

Данные категории системного анализа целей и средств, связанные вместе, говорят о том, что культура как средство выживания сформировалась на этапе социальной революции. Это позволяет говорить о том, что есть нечто общее, объединяющее все человечество и разные культуры: жизнь и способность и средства ее сохранить. На этом основании уже можно строить диалог культур.

Конечно, в диалоге культур могут быть и непонимание, и конфликты (достаточно вспомнить 11 сентября). Они возникают, когда общего основания нет. Именно с поиска такового и надо начинать, а не с того момента, когда возникает конфликт.

В тот момент, когда целью сообщества в западной цивилизации стало не выживание, а экономическое процветание, культура начала деградировать. Эта, казалось бы, более высокая цель должна была привести к лучшей жизни, но на самом деле с XX века стала отрицать исходную цель — выживание. Мы имеем объективные статистические данные, демонстрирующие, что это самое передовое общество не выживает — по причине того, что изменило исходную цель. Процветание, как оказалось, не способствует выживанию, а напротив, приводит к вымиранию. Утрата культуры как средства выживания — глубинная причина деградации.

Я хотела бы ответить коллеге, который сетовал, что здесь не упоминают о духовности. Духовность я понимаю не теистически. У меня есть четыре критерия, по которым я определяю человека, достигшего духовного уровня развития. Поясню: всего этих уровней шесть, духовным же человеком можно считать того, кто пятого уровня по четырем критериям. Первый критерий: мышление, развитое до уровня рефлексивного. Второй — развитая этическая система, которая проходит путь от категорий «добро–зло» как основы до категорий «истина–ложь», в которую также входит категория истинного добра. Третий — понятие воли, которую я не разделяю со свободой. Для меня это воля, достигающая свободы на духовном уровне развития. Это осознанная свобода воли, в отличие от неосознанной свободы и несвободы внутренней и внешней. Наконец, четвертый критерий — открытие новой природы. Это прорастание задатков, инстинктов коллективности, то есть приход к новой природе. Инстинкты — это природная основа человека, и она мной не отрицается.

— Вы рассматриваете культуру как целенаправленный процесс, характеризуя его через взаимодействие двух параметров — цели и средств. А между тем есть и третий — результаты... (*реплика из зала*)

Н. Л. РУМЯНЦЕВА: — Говоря о категориях системного анализа, я выделила только две из них — цель и средства. Всего есть по крайней мере пять категорий, в том числе и процесс, и результат, и субъект.

— Следуя известной формуле — цель, средства, результат, — можно обнаружить, что результат не соответствует цели, поскольку между ними стоят еще и средства. И, кроме того, кто ставит цель? (*вопрос из зала*)

Н. Л. РУМЯНЦЕВА: — Цель рождается так же, как в филогенезе и онтогенезе. Они очень близки, у них много общего, но в то же время разные и параметры, и субъекты, и средства реализации, и результаты. Если человек ставит цель, то он является субъектом. У человеческого общества субъектом является представительство его через власть. Обязанность власти — реализовать выживание в культурной революции.

— Вся эволюция управляется властью, не природой? (*вопрос из зала*)

Н. Л. РУМЯНЦЕВА: — Да. С тех пор, когда на определенном цивилизационном этапе образовалось государство. Да и раньше у племен были вожди, которые отвечали за их сохранность...

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Нина Леонидовна, может быть, мы перейдем от высокой абстракции к конкретности? Меня как социолога интересует, есть техническая культура или нет?

Н. Л. РУМЯНЦЕВА: — Я противник деления культуры на правовую, социологическую, техническую и т. д. Я преподаю курс «Концепции современного естествознания». Начинается он с тезиса «две культуры — научная и гуманитарная» и заканчивается тезисом «путь к единой культуре». Мы со студентами ищем и находим такое понятие культуры, в котором главное — ценность. А когда мы говорим о естественно-научной, гуманитарной или правовой культуре, понятие ценности исчезает. Меняя, трансформируя понятие культуры, мы ее теряем. Я даю своим студентам разные определения культуры, в том числе и с позиций так называемого инструменталистского, американского подхода. Для меня культура — средство активизации человеческой деятельности.

С. М. ЛАРЬКОВ: — В отличие от предыдущего оратора, я считаю, что в мире существуют разные культуры. Есть математическая культура, языковая, политическая, юридическая, философская и т. д. И все они объединены единым понятием национальной культуры, например русской. О единстве культуры говорил и Дмитрий Сергеевич Лихачев. Доказательством тезиса о разности культур может служить и произошедший сегодня инцидент, когда Александр Сергеевич Большаков допустил выражение, негативно воспринятое другими участниками конференции. С точки зрения математического сообщества его слова воспринимались бы лишь на уровне юмора, но никоим образом не как личное оскорбление. Это также пример диалога культур.

Дмитрий Иванович Менделеев говорил, что «наука начинается с измерения». Так, для математики характерна краткость, минимум словесных выражений. Хотелось бы отметить эти различного вида и уровня культуры, которые объединяет единая русская культура. Скажем, в полной ли мере обладают языковой культурой наши политические деятели? На вчерашнем Пленарном заседании было отмечено засилье иностранных слов, которые засоряют русский язык. Этот факт давно и хорошо известен. Тем не менее Корней Иванович Чуковский говорил, что слова и выражения, которые попадают в наш язык из других языковых культур, естественным образом фильтруются. У народа чуткое ухо. Некоторые слова трансформируются, другие исчезают.

Есть и другая тенденция, на которую я хотел бы обратить внимание: преднамеренное искажение слов и понятий, закрепленных в различного рода словарях русского языка и специальных словарях. Например, благодаря широко известной серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия» появилась новая тенденция. Ее создатели изменили семантическую насыщенность слова «замечательность», «замечательный». Известно, что данное слово должно иметь положительный оттенок, но теперь это уже неочевидно. Эта новация началась в 2002 году с книги Феликса Лурье «Сергей Геннадьевич Нечаев», который, как известно, послужил прообразом отрицательного героя романа «Бесы» Ф. М. Достоевского.

Представляете, что сейчас происходит? В прошлом веке замечательным человеком был сам Ф. М. Достоевский. Сейчас же «замечательный» превратился в беса. И в библиотеке на книжной выставке «Террористы», приуроченной к 11 сентября, среди прочих экспонатов я увидел гляцевую обложку томика «Сергей Геннадьевич Нечаев», книги о замечательном человеке... Какое-то уродливое смешение понятий.

Мы обратились в Институт лингвистических исследований РАН с просьбой дать заключение по данному вопросу. Заключение было получено. В нем говорилось, что понятие «замечательность» применительно к человеку подразумевает наличие у него общепризнанных положительных, то есть заслуживающих одобрения качеств. Таким образом, специалисты новацию редакции «Молодая гвардия» отвергают.

Но кто у нас должен принять решение по данному вопросу? Специалисты сказали, что это плохо. Политические деятели, обладающие своей политической культурой и довольно слабой языковой культурой, молчат. Как член общества, я хотел бы обратиться к вам с просьбой дать комплексную оценку допустимости издания книг, посвященных такого рода героям, в серии «Жизнь замечательных людей». В последнее время она выглядит просто устрашающе: появились книги о Мазепе — изменнике, предателе; о Карле XII, который, помимо его прочих заслуг, известен как автор фразы «настоящее занятие мужчины — это война». Вот так положительные герои!

Язык — это основа культуры, с его помощью мы думаем и общаемся. Если нарушаются основные принципы языка, то и диалог культур невозможен. Таким образом, вопрос о серии «Жизнь замечательных людей» комплексный, поскольку касается понятия, которое философией не определено. Философия не может вне контекста сказать, хороший человек или плохой, — это нонсенс, нелепость. Если же мы не определяем основное понятие, то и характеризовать его невозможно.

Какие аспекты диалога культур здесь затрагиваются? Философские, литературоведческие, юридические и прочие. Автор серии «Жизнь замечательных людей» задумал ее как издание, состоящее из 200 томов, и оно завершилось в 1915 году. А потом произошла деформация понятий. Максим Горький подхватил эту идею, но развил ее с точки зрения принципа партийности литературы. Так у нас появились совсем другие «положительные» герои. Сегодня происходит новая трансформация. И в этой мешанине понятий у нас издается литература, предназначенная для молодежи.

А. В. ИЛЬИЧЕВ: — Диалог культур как явление насчитывает уже много веков и отражен еще в древнерусской литературе. Например, одно из первых оригинальных произведений русской литературы «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона написано на непонятном для современного читателя языке, поскольку это памятник церковной письменности, христианского искусства, созданный на почве взаимодействия культур. С одной стороны, автор следовал греко-римской традиции, с другой — сформулировал то, что сегодня принято называть русской идеей. Это произведение позволяет, помимо темы диалога, выйти на более широкие проблемы, например языка. Символика, к которой обращается автор, настолько глубока, что для прочтения смысла требуется найти определенный ключ или код.

Сегодня речь шла о диалоге между культурами, разными социальными группами. Я бы предложил рассмотреть еще одну проблему — диалога внутри одной культуры. Не знаю, как прочие культуры, но наша уже в который раз оказывается в драматическом положении. Например, такая проблема, как «русский язык и заимствование», приобретает актуальность уже в третий или четвертый раз.

Таким образом, данные проблемы уже многократно обсуждались. А стало быть, выявляется еще один важный вопрос — отношение к своему прошлому, которое мы разным образом воспринимаем, толкуем, осознаем и пр. Это уже внутренний диалог с самим собой.

Мы сегодня вспоминали Н. А. Бердяева в связи с так называемой русской идеей. Философ толкует собственное сознание как итог становления всей русской культуры от момента ее зарождения. Нечто подобное я и хотел бы предложить в качестве еще одной темы для обсуждения.

— Понятие диалога чрезвычайно широко. В. С. Библер, как вы помните, широко трактовал и понятие культуры. На мой взгляд, культура — это диалог с самой собой в форме методологической рефлексии, поскольку любому ученому, если это настоящий ученый, свойственно сомнение. Но я хочу сказать о том, как диалог внутри одной культуры, одной нации может привести к преодолению ксенофобии, ранее поддерживаемой обществом. Здесь никто не вспомнил о недавнем событии, которое поразило мир. Там, где совсем недавно процветали рабство и расизм, чернокожий человек избран президентом страны. Пятьдесят лет тому назад это невозможно было представить, а сейчас стало реальностью. Что к этому привело? Напряженная энергичная работа, свободная дискуссия, мобилизация всех сил общества на борьбу с ксенофобией. Но самое главное — школа. Выросло поколение, которому чужды расовые предрассудки.

Я хотел бы обратить внимание на то, что в конечном счете все наши рассуждения только тогда продуктивны, когда воплощаются в жизнь, изменяя ее. Надо жить так, чтобы на улицах Петербурга не было нападений ни на представителей других рас и национальностей, ни на инакомыслящих. Подобного изменения сознания возможно добиться только воспитанием в школе, направив на это все силы общества. *(реплика из зала)*

А. Н. МОСЕЙКО: — Последние выступления поставили перед нами важный вопрос о судьбе культуры в эпоху глобализации. Во второй половине XX века, как известно, в мире возник так называемый антиколониальный дискурс, который длится по сей день. Он часто ассоциируется с постмодернизмом. В его рамках прошла целая серия конгрессов по культуре. Была сформулирована важнейшая мысль о том, что океан мировой культуры силен ручейками самобытных национальных культур, которые вливаются в него. Если эти ручейки будут перекрыты, то прекратится обогащение мировой культуры за счет национальных и региональных культур, и мировая культура погибнет. Поэтому глобализация культуры, с моей точки зрения, — нонсенс. Это ее гибель.

Как вы слышали, деятели культуры жалуются на отсутствие правового поля в сфере их деятельности, что сверху спускаются какие-то традиционные директивы и т. д. Мы все являемся свидетелями того, как министр образования и науки РФ А. А. Фурсенко вводит мировые стандарты проверки знаний при помощи ЕГЭ. Мы в нашей группе собираемся провести дискуссию по поводу ЕГЭ, пригласив многих ученых и работников образования. В результате реформ сегодня сокращаются уроки литературы, в связи с чем школьникам по существу перекрывается канал доступа к русской художественной литературе. Здесь уже говорили о девальвации многих понятий, таких как «замечательность» и т. д.

Культура, на мой взгляд, имеет собственные законы развития, несмотря на давление экономических факторов и директивы чиновников. Эти законы действуют одинаково во всем мире. Приведу пример. Сегодня глобализация распространилась и на Африку, где заимствованная западная система образования способствовала формированию тонкого слоя элиты. Но одновременно в Африке ширится движение американского ренессанса. Существует теория афроцентризма, которая во многом поддерживается

и в Европе, в частности один из английских ученых выпустил книгу о том, что мировая цивилизация зародилась в Египте. Суть теории афроцентризма в том, что Африка — колыбель цивилизации.

Другой пример. В наш сборник включены доклады профессора Сорбонны Анн Колдефи-Фокар и профессора Ренэ Герра. Оба они русисты. Кстати, русисты — это особое сообщество людей, одержимых любовью к русской культуре. Они живут в разных странах, и их довольно много. Самые крупные русисты — Вальтер Шубарт, Жорж Нива, Ренэ Герра, Джералд Майклсон (сын известного американского журналиста), Дора Штурман и Роза Глинтерщик. Пишут они, естественно, все по-разному. Анн Колдефи-Фокар говорит о том, что вторая и третья волны эмиграции ставили перед собой цель слиться с обществом, в котором оказались, то есть добиться аккультурации. Одновременно существовала и противоположная позиция. Примерами могут служить, с одной стороны, Василий Аксенов, который своим творчеством показал возможность аккультурации, с другой — Саша Соколов, который не смог в «Полисандрии» и других романах оторваться от русских корней. Он пишет о том, что снова возникает духовная вертикаль и русская культура в конце концов будет забыта теми ее представителями, которые живут в США. Жорж Нива, представитель третьей волны эмиграции, интересно написал об этих людях. Прибыв в Европу в 1980-х годах, еще до перестройки, они были счастливы избавиться от брежневского режима, но спустя какое-то время почувствовали, что объятия Запада на самом деле кюстиновские. (Как вы знаете, маркиз Астольф де Кюстин в своих записках резко высказывался о России. В XIX в. это была очень популярная книга.) Эти люди столкнулись с представлением о русских как о рабах, не имеющих своей культуры, цивилизации и т. д. И диссиденты, избавившиеся от гнета брежневского режима, стали ощущать дискомфорт. В конце концов, как говорит Жорж Нива, они приходят к тому, что бросают «ненавижу» в лицо оторопелому Западу.

Третий пример из нашего времени — вчерашние аплодисменты студентов в ответ на выступление В. Т. Третьякова.

Говоря о культуре, мы не можем рассматривать только культуру политической элиты и культуру общества. Наша культура разнообразна, разделена на множество сообществ и субкультур. Например, все мы знаем сетевые молодежные сообщества — это самостоятельные культуры. Так, в Центре цивилизационных и региональных исследований РАН, сотрудником которого я являюсь, работает молоденькая девочка Оля, панк и антиглобалистка. Она написала прекрасную книгу о панках, которая вышла огромным тиражом, а сейчас переиздается. Девочка эта — уже кандидат наук.

Представители движения антиглобалистов (оно существует и в Москве, и в Петербурге, и в других городах) — молодые люди, которые протестуют против глобализма. Их цель — построить свою реальность, прежде всего в культуре. Они борются за чистоту русского языка, против засилья иностранщины во всех сферах жизни. Это общемировая тенденция — во всех странах есть люди, активно выступающие против глобализма.

Приведу примеры из разных областей, я хочу продемонстрировать, что судьба культуры не столь печальна, как нам иногда представляется. Я убеждена, что глобализация не может разрушить национальную культурную самобытность. Если это произойдет когда-нибудь в будущем, то погибнет и мировая культура, и человек. Что такое человек без культуры? Ничто, во всяком случае не человек. И хотя Егор Гайдар и говорил, что нам пока недосуг подумать о человеке, тем не менее человек существует

как субъект и экономики, и перестроечных реформ, и всего прочего.

— Я нахожусь под большим впечатлением от предшествующей реплики. Приведено большое количество примеров, показывающих, какими сложными являются взаимодействия культур. Действительно, культуры настолько многообразны и устойчивы, столь специфичны, что само их взаимодействие рождает проблемы, которые находят разнообразные формы проявления. Прекрасно, что мы сегодня прикоснулись к тематике, которая еще очень долго будет актуальна. Видимо, на данную тему будет защищена еще не одна кандидатская и докторская диссертация.

Я хотел бы обратить внимание на следующий вопрос. Считается, что глобализация культуры означает ее разрушение, смешение с другими. Но, по-моему, опасно впасть и в другую крайность. Как бы борьба за сохранение культурной чистоты не обернулась желанием вновь укрыться за железным занавесом, стать невосприимчивым ко всему «другому». Традиции национальной культуры, несомненно, важны, но полезно обогащать себя и знанием других культур.

К тому же нельзя забывать и об эволюции. Общаясь с людьми старшего поколения, я часто сталкиваюсь с тем, что у них есть некая ностальгия по прошлому, особенно в культурном плане. Поэтому они убеждены, что в наши дни не создается таких талантливых фильмов, как в советское время, что в нашей культуре уже нет многого из того, чем мы могли гордиться раньше. Все современное — отрицательно. Однако при этом добавляется что-то новое, появляется большое информационное поле, то есть широкий выбор. Даже книги тех авторов, имена которых раньше нельзя было произносить, сегодня продаются на каждом углу.

Надо понимать, что культура эволюционирует, постоянно движется. И, наверное, вряд ли надо четко детерминировать слова «русская культура», или «европейская культура», или «западная цивилизация», ибо нельзя считать эти понятия абсолютно устойчивыми, которые останутся такими всегда.

Мы коснулись очень сложной и многообразной темы, и я думаю, что мы к ней еще вернемся. *(реплика из зала)*

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — В заключение я хотел бы подвести краткие итоги нашей встречи. Наверное, все согласны, что мы обсуждали актуальную и насущную проблему, которая является одной из важнейших для всех социальных и гуманитарных наук. Мы пришли к выводу, что разнообразие культур и цивилизаций необходимо, но в то же время тенденция глобализации неоспорима. Была высказана идея, что если глобализация в какой-то мере оправдана в связи с экономическими, техническими, технологическими и организационными реалиями, то в сфере культуры к этому явлению надо относиться очень осторожно, чтобы не скатиться в эволюционизм, но и не потерять самобытность.

Когда я работал в Сибири, то узнал об одном маленьком народе, численность которого всего 1200 человек. Это рыбаки, живущие на берегу Подкаменной Тунгуски. Необходимо сохранить их культуру.

Я часто думал, понимаем ли мы, чего лишится человечество, если потеряет культуру какой-то одной маленькой этнической группы с ее обычаями, традициями и другими особенностями, которые нигде, ни у какого народа не встречаются? Сегодня происходит повсеместная аккультурация, поэтому упомянутый мною маленький народ когда-нибудь все же исчезнет и, я думаю, все мы за это ответственны.

Сегодня мы остановились на необходимости максимального учета особенностей различных форм культуры, которые проявляются во всех сферах общественной жизни. Возможно, мы уделили недостаточно времени вопросу о том, что препятствует диалогу культур, который затронул академик Краевский. Мы должны точно представлять, что мешает взаимопониманию, несмотря на все наши различия.

Обмен мнениями обогатил нас, позволил уточнить позиции и может послужить импульсом к изложению своих идей в новых статьях и других работах. Благодарим всех участников Чтений.